

960

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

**«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ

КАФЕДРА русского языка

ТЕМА ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Метафорические номинации в российском спортивном дискурсе

Выпускная квалификационная работа

по направлению 44.03.05 Педагогическое образование

Направленность программы бакалавриата

«Русский язык. Литература»

Проверка на объём заимствований:

93,33 % авторского текста

Работа рекомендована к защите

рекомендована
рекомендована/не рекомендована

« *8* » *июня* 20 *18* г.

зав. кафедрой *РЯ и МОРЯ*

(название

кафедры) *русского яз. и МОРЯ*

Выполнила:

Студентка группы ОФ-515/075-5-2

Паламарчук Анастасия Яковлевна

Научный руководитель:

Казачук И.Г доктор филологических наук,
доцент.

Челябинск

2018

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Метафорические номинации в системе языка	
1.1. Метафорическая номинация: понятие, типология, основные модели.....	6
1.2 Семантика номинации человека. Человек как субъект номинации.....	12
1.3 Семантика и способы номинации человека.....	20
Выводы по I главе.....	32
Глава 2. Анализ метафорических номинаций российского спортивного дискурса	
2.1. Фрейм «Квалификация спортсменов и итоги соревнований».....	33
2.2. Фрейм «Виды спорта».....	39
2.3. Фрейм «Правила игры и наказания».....	45
Выводы по II главе.....	50
Заключение.....	51
Список использованной литературы.....	53

Введение

Актуальность темы исследования. Субъект номинации – наиболее активный компонент номинативной ситуации, однако, его деятельность обусловлена целым рядом факторов, среди которых одним из важнейших оказывается социум, в который номинатор включен. Одним из социумно образующих факторов является профессия: именно своей профессиональной среде мы проводим больше всего времени, именно явления, с профессией связанные, чаще всего пытаемся номинировать. Оказавшись «на чужом поле», мы все же реагируем на действительность «отсоциумно», опираясь на свой профессиональный опыт и на ту систему оценок, которую выработали в рамках социума.

Интерес представляет выявление отличия между номинациями одних и тех же объектов, созданных лицами разных профессий: как субъект, компетентный в данной области, называет объект, и как тот же объект называет субъект, не компетентный в данной области. В качестве именованного можно было использовать как существующие в языке слова, так и создавать новые, применять одиночные слова для создания имени объекта или комплексы слов.

Современная наука сосредоточена на исследовании человека в социуме, его познавательной деятельности и реализации через общение, в результате которого рождаются тексты, речевые высказывания и т. п. Именно внимание к речетворчеству, коммуникативным способностям и возможностям индивида позволяет вести речь об антропоцентризме в современной лингвистике.

Когнитивная составляющая современной науки предполагает обязательное описание деятельности человека, его адаптацию к быстро развивающимся средствам общения (визуализации и аудиализации), к сменяющимся семиотическим системам, среди которых речь (устная и письменная), по нашему мнению, по-прежнему остаётся лидирующей

системой. Признаётся, что речь и зародилась, как необходимость коммуникативно оформить/передать познавательную деятельность человека на ранних этапах его формирования как *homo socius*.

Общепризнанно, что для реализации коммуникативной функции языка в социуме каждый объект или предмет, признак, действие должны иметь определенное наименование. Овладение языком – длительный и творческий процесс, результатом которого должно стать усвоение носителями языка этих наименований. Усвоение должно проходить осознанно, поэтому «детские» вопросы: «Что/кто это?», «Как это называется?», «Почему так назвали?» – и их варианты существуют в каждом социуме, а ответы способна дать наука – ономазиология.

Изучение этапов развёртывания этой деятельности: познанное/помыслимое (означаемое – смысл – значение) – звукокомплекс (означающее – грамматическая форма – часть речи) – речекомплекс (синтаксическая реализация – высказывание) – оформится в теорию номинации и далее – ономазиологию, которая станет, наряду с семасиологией неотъемлемой частью семантики – науки о содержании и информации, передаваемых языком.

Несмотря на то, что семантику нередко трактуют как синоним семасиологии, следует подчеркнуть, что значение слова невозможно без означающего, и оба понятия – без денотата, сопряжённого с представлениями о явлениях реальной (ирреальной) действительности. И если семасиология (или семантика в узком смысле слова) представляет собой достаточно изученный и репрезентируемый в научных и учебно–методических изданиях материал, то ономазиология остаётся зачастую за пределами содержания учебного процесса.

Имеющиеся на современном этапе исследования достаточно полно и глубоко представляют в научном плане теорию номинации, процессы и явления, сопряжённые с ней, но до сих пор отсутствует практика включения ономазиологического описания в обучение бакалавров и магистров

филологии. А такая необходимость, по нашему глубокому убеждению, существует. Описание и репрезентация семантических и шире – семиотических – процессов невозможны без опоры на ономаσιологический компонент, без понимания, означающего и мотива выбора того или иного знака в номинации.

Цель исследования – исследовать метафорические номинации в российском спортивном дискурсе.

В соответствии с поставленной целью необходимо решить следующие **задачи**:

- рассмотреть теоретические аспекты семантики номинации;
- изучить и описать особенности метафорического переноса при обозначении лиц, предметов и процессов в спортивном дискурсе.

Объектом исследования являются метафорические номинации.

Предмет исследования – семантика и способы метафорических номинаций в российском спортивном дискурсе.

Методы исследования. Основным методом исследования является описательный метод с приемами:

1. Интерпретация языковых единиц со стороны их связей с неязыковыми явлениями; сюда относятся приемы социологические, логико–психологические и артикуляционно–акустические;
2. Интерпретация языковых единиц по их связи с другими единицами языка; в данную группу входят прежде всего, приемы межуровневой интерпретации и дистрибутивная методика.

Практическая и теоретическая значимость работы определяется возможностью использования результатов исследования в процессе подготовки филологов.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

Глава 1. Метафорические номинации в системе языка

1.1. Метафорическая номинация: понятие, типология, основные модели

Метафорические номинации являются одним из основных приемов познания объектов действительности, их наименования, создания художественных образов и порождения новых значений. В рамках теории языковой номинации метафора трактуется как единица вторичной косвенной номинации, основанная на переносе значения и представляющая собой разновидность переносного значения. Н.Д. Арутюнова и В.Н. Телия выделяют тип когнитивной метафоры, возникающей в результате сдвига в сочетаемости предикатных слов (переноса значения) и функционирующей в сфере признаковой лексики, являясь способом создания вторичных языковых предикатов. Такая метафора, основывающаяся на аналогии, является орудием выделения и познания свойств абстрактных категорий. По утверждению Н.Д. Арутюновой, «процесс метафоризации ... сводится к присвоению объекту «чужих» признаков, т.е. выявленных в другом классе предметов или относящихся к другому аспекту, параметру данного класса» (ЛЭС, 2002, 296).

Общепринятым в отечественной лингвистике является определение метафоры в ЛЭС: «Метафора — это механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении. В расширительном смысле термин метафора применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении» (ЛЭС, 2002, 296).

Следует подчеркнуть, что, используя в качестве реноминатов аббревиатуры, носители языка употребляют такие единицы не только во вторичном значении, но и «не расшифровывая», т. е. производное или

переносное значение характерно уже не столько для аббревиатуры, сколько для звукокомплекса, который получает самостоятельную жизнь. Например, для обозначения способа ведения хозяйства было создано слово колхоз (коллективное хозяйство), которое в современном русском языке употребляется и для обозначения коллектива людей, и для обозначения большого количества людей, находящихся на одной жилой или небольшой площади (пространстве); или: для определения товаров народного (широкого) потребления появилось разговорное ширпотреб, которое в дальнейшем стало употребляться для обозначения товаров низкого качества или выпущенных в огромном количестве.

С термином «номинация» напрямую связаны тропы языка, в том числе и метафора, так как они также называют предметы и явления. Следовательно, здесь мы можем говорить о такой разновидности метафоры, как номинативная метафора.

Номинативная метафора возникает на основе семантически автономной лексики и она, как правило, одночленна, лишена контекста. Однако в рамках конкретной лексики существует вид отношений, ослабляющих взаимную независимость имен. Это отношения части и целого. Части предметов регулярно получают метафорические наименования. Обозначая часть предмета, метафорическое имя сразу включается в словосочетание, проясняющее его предметную отнесенность. [Гак В.Г., 1977: 72]

«Идентифицирующая» метафора составляет ресурс номинации, а не способ нюансировки смысла. Образ, который она дает языку, идентифицирующей лексике, в сущности, не нужен. Слово стремится от него освободиться. Семантический процесс сводится к замене одного дескриптивного значения другим. Метафора используется в номинативных целях и порождает омонимию. Классическая семантика говорит в этом случае о переносе названия. Такого рода перенос обычно опирается на сходство предметов по какому-либо внешнему, очевидному признаку.

Метафора этого типа наглядна. Она апеллирует не к интуиции, а к зрению. Отвечая акту уподобления, она не производит вспышки, представляющей предмет в новом, преображающем его свете. Она не подсказывает, а указывает. Выполнив номинативную функцию, метафора исчезает. При этом угасание образа в общем случае не побуждает говорящих прибегнуть к новой, более живой и свежей метафоре. Точно также как человек в стандартных обстоятельствах не нуждается в нескольких именах, классу предметов достаточно одного названия. Номинативное дублирование происходит лишь в условиях распада языковой нормы. [Чудинов А.П., 2000: 56].

Исследуя и описывая номинацию, представляя речевую и языковую систему означивания, С. и О. Лещак выделяют среди вербальных знаков (как языковых, так и речевых) первичные, вторичные и повторные вследствие их использования носителями языка, для которых это различие релевантно (значимо) [Лещак, 2005].

Важным постулатом современной когнитивной лингвистики является дискурсивный подход к изучению материала (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова и др.). При когнитивно–дискурсивном подходе предметом исследования становится не отдельная метафора, а система метафорических моделей. Метафору рассматривают как средство постижения, какого–либо фрагмента действительности при помощи фреймов и слотов.

В современной лингвистике фрейм понимается как когнитивная структура, организованна «вокруг какого–либо концепта, но в отличии от тривиального набора ассоциаций такие единицы содержат лишь самую существенную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с данным концептом» [28, с.204].

Метафорические модели должны рассматриваться в дискурсе, в тесной взаимосвязи с условиями их возникновения и функционирования, с учетом авторских интенций и прагматических характеристик. Система

метафорических моделей – это важная часть национальной языковой картины мира, национальной ментальности, она тесно связана с историей соответствующего народа и современной социально–политической ситуацией.

А.П. Чудинов выделяет четыре основных разряда метафорических моделей в современных СМИ:

1. Антропоморфная метафора. При исследовании этого разряда анализируются концепты, относящиеся к исходным понятийным сферам «Анатомия», «Физиология», «Болезнь», «Семья» и др. В данном случае человек моделирует социальную реальность исключительно по своему подобию.

2. Натуроморфная метафора. Источниками метафорической экспансии в этом разряде служат понятийные сферы «Животный мир», «Мир растений», «Мир неживой природы (ландшафт, метеорология, стихии и др.)», то есть социальные реалии осознаются в концептах мира окружающей человека природы.

3. Социоморфная метафора. Исследуются концепты, относящиеся к понятийным сферам из социальной сферы: «Преступность», «Война», «Театр (зрелищные искусства)», «Игра и спорт».

4. Артефактная метафора. Исследуются такие понятийные сферы, как «Дом (здание)», «Транспорт», «Механизм», «Домашняя утварь» и др.

Таким образом, метафора является одним из номинативных (смыслообразование) приемов и представляет собой использование слова, которое обозначает некоторый класс объектов, явлений или признаков, употребляющееся для характеристики или номинации другого (сходного или несходного) класса объектов. Всякое слово, использованное в переносном значении, определяется как широкое понимание метафоры.

Метафорическая модель – это существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система фреймов (слотов, концептов) одной сферы (сферы–источника) служит

основой для моделирования понятийной системы другой сферы (сферы–мишени). При таком моделировании обычно сохраняется и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы–источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально–волевою сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности.

1.2 Семантика номинации человека. Человек как субъект номинации

Язык – явление многообразное и многоликое. Поэтому возможны разные определения языка в зависимости от того, с какой точки зрения его рассматривать.

С точки зрения функционирования в обществе язык – социальное явление, представляющее собой наиболее эффективное средство общения, используемое в человеческом коллективе. В языке воплощаются результаты практической, и интеллектуальной деятельности – как отдельного человека, так и всего народа в целом.

С точки зрения устройства язык – «система знаков, выражающих понятия», «система, которая подчиняется лишь своему собственному порядку».

С точки зрения условий своего существования язык – культурно–исторический феномен, формирующий нацию, создающий предпосылки для развития письменной культуры того или иного народа [Климовская, 1978].

В современном языкознании изучение личных имен как одного из специфических ономастических разрядов имен собственных приобретает особую актуальность в связи с тем, что каждое новое поколение людей постоянно создает новые имена и вкладывает в них новое содержание. Этот процесс наиболее активен в сфере бытового общения, где наблюдается активизация в создании и функционировании бытовых, неофициальных личных имен – прозвищ и кличек. Однако неофициальные антропонимы все еще находятся вне специальных и комплексных исследований в лексикографическом, лексикологическом, ономасиологическом, социолингвистическом и собственно ономастическом аспектах. Это обуславливает необходимость уточнить место субстандартной антропонимии

в понятийной системе ономастики, а также статус и сферу употребления субстандартных антропонимов – прозвищ и кличек людей.

Определение языка как знаковой системы стало общепринятым и вошло в науку о языке в качестве одного из ее основополагающих принципов. Такой подход к языку способствовал развитию семиотики – науки о знаковых системах, позволил выявить новые связи, соединяющие между собой не только гуманитарные, но и другие науки [Телия, 1977].

В отечественном языкознании признаётся, что ономазиология может рассматриваться как теория номинации.

Под номинацией понимается:

- 1) процесс присвоения имени объекту (предмету, действию, признаку, количеству и т.п.);
- 2) образование единиц, служащих для именованя и вычленения фрагментов действительности и созданных по соответствующим языковым моделям;
- 3) совокупность проблем, посвященных изучению акта наименования в форме предложений и его частей;
- 4) суммарное обозначение лингвистических проблем, связанных с номинированием, а также другими разделами языкознания (лексикой, дериватологией, мотивологией, синтаксисом).

Термин «номинация» употребляется для обозначения процесса присвоения имени объекту и для обозначения этого имени, т. е. как процесс и как результат этого процесса. В последнем случае нередко происходит замещение термина «номинация» производными – номинат, номинатив. Такое деление очень чётко просматривается в подходах исследователей.

Номинация как процесс присвоения имени объекту представляет собой «облачение» некоего понятия в языковую (первоначально – звуковую) оболочку.

На современном этапе функционирования языка первичная номинация – крайне редкое явление. Новые слова появляются только в тех случаях,

когда создаётся артефакт (т.е. предмет деятельности человека) (лазер, нейлон) или открывается, обнаруживается неизвестный. В определённой степени явление неологизации можно наблюдать в онтогенезе речи, хотя большинство исследователей связывают процессы в детской речи с явлением реноминации человека или субституции, т. к. в большинстве случаев мы сталкиваемся с процессом переименования предмета, уже имеющего узуальное имя. Именно в таких случаях и может идти речь о процессе вторичной номинации человека. Под вторичной номинацией понимается процесс присвоения имени объекту, уже имеющему название.

Вторичная номинация ярко демонстрирует номинативные и творческие возможности языка и его носителей, указывает в определённой степени на мотивацию выбора признака, кладущегося в основу номината. Вторичная номинация способствует развитию синонимических отношений в языке и речи. Однако синонимичные языковые единицы могут представлять собой акты и первичной, и вторичной номинации человека, либо представлять собой акты одной номинации человека. Учитывая разный характер первостепенности указанных номинаций, в то же время необходимо отметить, что механизм номинации человека практически не различается [Климовская, 1978].

Примерами единиц первичной номинации человека могут служить термины родства (мать, отец, сын, дочь), названия животных (баран, бык, корова, коза, телёнок), цветообозначения (червонный, белый, чёрный, зелёный, жёлтый), глаголы движения (идти, ехать, лететь), чувства (любить, горевать, страдать, радовать) и т. д. Для вторичной номинации человека характерными будут примеры тех же групп слов, нередко реализующие дополнительные стилистические, эмоциональные семы или представляющие собой иноязычные элементы: названия животных ('о глупом упрямом человеке' баран, 'о длинноногом или пугливом человеке' страус, 'о хитром и ловком человеке' жук, 'галстук в виде банта' бабочка), цветообозначения ('о

большевике' красный, 'о контрреволюционере' белый), глаголы движения ('развиваться в каком-либо направлении, двигаться; протекать' идти) и т. д.

Результаты первичной номинации человека на современном этапе функционирования языка осознаются как непроизводные, «раскрывающиеся» только при этимологическом, историческом или мотивологическом анализе. Такие лексические единицы получают прямое номинативное значение [Телия, 1977].

Например, 'правая или левая часть туловища живого существа' и 'правая или левая сторона предмета' – бок; 'орган зрения' и 'способность видеть, зрение' – глаз; 'верхняя часть тела живого существа, содержащая мозг' – голова; 'изображать на материале (бумаге, ткани и под.) буквы и цифры' – писать; 'естественный непрерывный водный поток, перемещающийся в разработанном им русле' – река; 'одна из двух верхних конечностей человека от плеча до кончиков пальцев' – ладонь; 'мыслительная и познавательная способность человека, умение мыслить и рассуждать' – разум; 'обладать способностью, переставляя ноги, перемещаться, делая шаги' и 'то же, что идти, только действие совершается в разных направлениях' – ходить; 'цвета сажи, угля, один из основных ахроматических цветов' – чёрный.

Первичная номинация – исключительный процесс в современном социуме. Создание, возникновение единиц первичной номинации человека – явление редкое. При этом обращают на себя внимание способ создания и пути появления неноминатива в языке. Например, слово лазер возникло из английского словосочетания Light Amplification by Stimulated Emission of Radiation (усиление света в результате вынужденного излучения). С точки зрения происхождения оно мотивировано, представляет собой аббревиацию, как и слово нейлон, образованное путём сложения названий первых букв и слога топонимов Нью-Йорк и Лондон (N(ew) Y(ork) + Lon(don)). Оба обозначения – лазер, нейлон – явления первичной номинации человека, так как обозначают субстанции, созданные, ранее неизвестные, не существовавшие до середины XX века.

Вторичная номинация – процесс использования уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения. В.Н. Телия указывала, что в таком случае в языке закрепляются, как правило, такие вторичные наименования, которые представляют собой наиболее закономерные для системы данного языка способы именования и восполняют недостающие в нем номинативные средства [Телия, 1977].

Например, в современной системе цветообозначений единицами вторичной номинации человека можно признать ономы и апеллятивы, функционирующие в качестве отсылочного элемента в колоризмах сложной структуры: цвет афалина, цвет динго, цвет плохо процеженного белого вина (К.Паустовский), цвет отражённого неба (К.Паустовский), цвет Балтика, цвет Кармен, цвет Офелия, цвет Медео.

Предметом теории номинации человека является описание общих закономерностей формирования лингвистических номинативных единиц. Поскольку именование различных объектов реальности тесно связано с формами человеческой деятельности, предметом теории номинации человека является изучение результатов взаимодействия человеческой мысли, языка и реальности в процессах номинации человека.

В центре внимания – теория номинации человека, как Е.С. Кубрякова, получается не только анализ результатов номинации человека, но и анализ процесса номинации человека. Чтобы понять смысл речевого высказывания, необходимо изучить деятельность человека, в области которого происходит присвоение и использование названия конкретной реальности. Это приводит к появлению базового постулата теории номинации человека о том, что языковое назначение должно изучаться в конкретных актах общения, то есть в контексте деятельности, в которой происходит акт номинации лица, как процесс рождения имени для обозначения определенных объектов реального мира.

Таким образом, в 1970–х и 1980–х годах внимание было обращено на отечественное (Г. В. Колшанский, Н. Д. Арутюнова, В. В. Виноградов, В. Г.

Гак) и западные лингвисты (Т.А. ван Дейк, Дж. Томас, Р. Барт), направленный на изучение характера деятельности языка коммуникации. Подход активности позволяет исследователям проследить наиболее значимые аспекты включения языковых явлений, как в сферу человеческой личности, так и в социальную реальность [Климовская, 1978].

Введение концепции «активности» в лингвистике для описания понятий вербального общения позволило лингвистам–ученым рассмотреть вопрос о номинации человека в связи языка с экстралингвистическими факторами, знанием мира. Быстро развивающаяся деятельность человека непосредственно отражается на языке и фиксируется на языковой (лексической) карте, где появляются новые или расширяющиеся существующие сектора.

Таким образом, человеческая деятельность создает контекст, в котором лингвистические средства вступают в отношения друг с другом и отражают реальность; полноценные речевые произведения и их компоненты могут быть изучены только путем ссылки на знание о мире, определенных социальных норм, в которых происходит человеческая деятельность.

В связи с этим очень важной задачей теории номинации человека является изучение не столько ценности как таковой, сколько ее производства (создания смысла). Чтение – это выявление значений и выявление значений означает их назвать; но факт состоит в том, что эти имена, получившие имена, мчатся к другим именам, так что имена начинают эхо между собой, группируются вместе, и эти группы снова требуют именованья: я называю, выбираю имена, снова называю и, на самом деле, и является жизнью текста: он становится через назначение человека, процесс непрерывного приближения, метонимической работы.

Понимание значения лингвистических знаков в соответствии с подходом к действию в теории номинации человека возможно только при понимании деятельности и сознания конкретных лиц, участвующих в общении. Это подход к действию, который позволяет лингвистам изучать

процесс организации и передачи информации от субъекта к субъекту с учетом фактора говорящего, фактора адресата, а также значений заявления в его различных контекстах.

Номинативную функцию выполняют не только устойчивые, но и словосочетания, называемые свободными, в том числе не имеющие дублетных обозначений в языке, например, умный человек (не адекватно словам умник, умница), весёлый человек (не адекватно слову весельчак) [Никитевич, 1985, с. 132]. При этом особое место занимают устойчивые словосочетания – фразеологизмы, которые обладают способностью означивания и как слова, и как словосочетания, например, есть в три горла = жадно, очень много; прикладывать руки = избивать; сделать себе имя = прославиться, стать известным и т. п.

Более того, в работах последних десятилетий наметилось дальнейшее развитие идей И.И. Мещанинова [Мещанинов, 1984], который признавал номинативный аспект и в предложении как коммуникативной единице языка [Арутюнова, 1977]. Изучая строение предложения в разных языках, И.И. Мещанинов отмечал, что номинативный строй предложения – это онтологическая особенность только некоторых языков, например, индоевропейских, в других языковых семьях могут реализовываться посессивный, эргативный строй предложения, что не исключает и существование предикативности (из частной беседы с Е.Ф. Дмитриевой).

По утверждению В.Ю. Арбузовой, текст, являясь продуктом и средством коммуникации, заключает в себе большую часть познаний о мире во всем многообразии его проявлений. Всё это человек черпает не из непосредственно личного опыта, а «из текстов различных типов. Состав текстов, входящих в когнитивную базу (совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингвокультурного сообщества), формирует лингвокультурные универсалии – прецедентные тексты» [Арбузова, 2007, с. 3].

Составной частью прецедентных текстов выступают имена собственные. «Прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб» [Нахимова, 2007]. Прецедентные наименования можно рассматривать как «культурную» вторичную номинацию, т. к. прецедентные тексты и единицы являются производными от лингвокультурных знаков.

Итак, современная теория номинации человека объясняет именование не только как процесс обозначения, но и как процесс познания и коммуникации. Номинация непосредственно связана с типом дискурса, его задачами, законами, правилами. Для дискурса, с одной стороны, в силу его мощного терминологического ядра, важен сам факт названия (назвать – понять), с другой стороны, не менее важно внушить адресату определенные идеи, мнения, сформировать установки для оценки событий и явлений. Решение второй задачи возможно благодаря использованию лексем с выраженной оценочной коннотацией, основу которой составляют аксиологические установки.

1.3 Семантика и способы номинации человека

В плане лексической системности русского языка в современной лингвистике выделяются лексико–семантические группы наименований лиц. Соответствующие группы обозначений рассматриваются в когнитивном плане, в плане описания лексики, относящейся к разным концептам и т.д.

Как другие языковые единицы, словосочетание может быть охарактеризовано с двух сторон – с формальной и смысловой.

Поскольку исходной формой языка была устная, звуковой состав слова, вероятно, был существенным в процессе номинации человека: семантическая значимость звука в древние времена могла находить выражение в том, что номинативные единицы, связанные с какими–либо родственными или сопредельными явлениями, относящиеся к одному объекту/предмету, могли иметь идентичный или близкий звуковой состав на определенном этапе развития исходных диалектов. Например, представление о человеке, который даёт жизнь и вскармливает, оформлялось через звукоподражательное *ma–; в современных языках, сохраняющих это древнее звучание, находим:

–рус. мать, мама, матка; англ. mather, ‘спаривать’ mate, ‘брак, супружество’ mateh; маммология,

–восходящее к лат. ‘женская грудь’ mamma; то же и в арабск. ‘рождённый’ mawlud, ‘рождать’ malada и под.

Восприятие признака, обладающего сиянием, блеском с разной степенью интенсивности, оформлялось через звукокомплекс *si–: рус. сивый, сизый, синий. Хотя в семантике приведённых цветообозначений в современном языке актуальным является признак ‘тёмный’.

С этой точки зрения номинация может быть рассмотрена как первичный акт (первичная номинация) и вторичный акт (вторичная номинация). Под первичной номинацией традиционно понимается акт присвоения имени объекту, который ещё не имеет названия.

Формальные отношения в составе словосочетания существуют между словами, принадлежащими только к определенным частям речи: между существительным и прилагательным устанавливается согласование; между существительным и существительным, глаголом и существительным – управление; между глаголом и наречием – примыкание [Климовская, 1978].

Со смысловой стороны словосочетание может быть охарактеризовано как объединение слов, обладающих в каком-либо отношении смысловой общностью. В одних случаях эта смысловая общность более очевидна, наглядна, в других случаях – менее очевидна и совсем не наглядна. Любому владеющему русским языком понятен смысл таких, например, словосочетаний, как крайнее дерево, душевный трепет. Это значит, что в компонентах словосочетания можно выделить общий «семантический знаменатель», ту их смысловую часть, благодаря которой оба компонента словосочетания сочетаются друг с другом.

Первое словосочетание, несмотря на некоторую его смысловую неполноту, можно объяснить таким образом: это дерево, которое стоит на краю леса, сада, аллеи, в ряду других деревьев. В определенных условиях можно указать на дерево или какой-либо другой предмет (денотат), занимающий в пространстве такое же положение.

Труднее объяснить смысл второго словосочетания. Так как содержание его связано с какими-то эмоциональными, душевными переживаниями, по всей вероятности, сугубо личными, то назвать денотат представляется едва ли возможным. Но даже в этом случае возможно установить смысловую общность между компонентами словосочетания.

Слова, лишённые такой общности, образуют бессмысленный набор слов, даже если они связаны между собой синтаксически: зеленые идеи, выпить треугольник, бешено спать.

Словосочетание в зависимости от его синтаксической позиции может менять свою грамматическую форму, т.е. подвергаться варьированию. Способность того или иного словосочетания к варьированию обусловлена

грамматическими свойствами стержневого слова: словосочетания образуют столько форм (вариантов), сколько словоформ образует стержневое слово. Так, именные словосочетания с синтаксической связью согласованием образуют от шести до 12 вариантов: весенний мед, весеннего меда... (в данном случае шесть вариантов – нет множественного числа); весенний день, весенние дни, весеннего дня, весенних дней... – 12 вариантов. Глагольные словосочетания с управлением или примыканием образуют от 50 до 70 вариантов [Климовская, 1978].

Таким образом, парадигма словосочетания – количество образуемых им форм – соответствует количеству словоформ, образуемых стержневым словом. Такое совпадение парадигм слова и словосочетания свидетельствует о сходстве между этими языковыми единицами как в формальном, так и в смысловом отношении. Слово и словосочетание – номинативные языковые единицы, служащие для наименования явлений и предметов действительности, в отличие от предложения – коммуникативной единицы, выполняющей функцию общения. Номинативная функция проявляется в том, что в слове выражается единое, нерасчлененное понятие, а в словосочетании, поскольку оно состоит из нескольких слов, выражается сложное, расчлененное понятие.

Разветвленная система нарицательных именованй лиц нуждается в систематизации. К работам, в которых исследуется система нарицательных имен, можно отнести исследования Е.К. Деминой, А.В. Неупокоевой, А.А. Уфимцевой и др.

Е.К. Демина приводит в своей диссертации обширную классификацию названий лиц, предложенную в «Русском семантическом словаре». Согласно этой классификации, в группу «названия лиц» входят обозначения реальных лиц и человекоподобных существ. В названиях реальных лиц выделяются подгруппы «лицо» и «совокупность лиц». В подгруппу «лицо» включены общие обозначения, названия лиц по характерным признакам (состоянию, действию и др.), названия обращения и оценки.

Применяя соответствующую классификацию к материалу газетных текстов, Е.К. Демина отмечает, что «доминирующими группами в классе имен лиц по характерным признакам являются названия лиц по профессии и по социальному статусу».

Итак, среди обозначений лиц по характерным признакам доминирующими подгруппами являются именованья: по степени родства, по профессии, роду занятий, характеру деятельности, по социальному свойству, средоточию в лице характерных социальных черт своего времени, по характерному социальному состоянию, действию, функции, по личным и общественным отношениям, связям, по интеллектуальному свойству, по физическому, физиологическому, психическому состоянию, по отношению к расе, национальности, а также территории, к месту жительства, по местонахождению.

Номинативная единица, сохраняя звуковую форму, развивает содержательную сторону. Ценность нового лексического значения состоит в смысловой информации, которая заключена в содержании, что выражается в самостоятельной номинативной функции слова в новом номинативно–производном значении.

Например, 1. 'соответствующий закону' и 2. 'справедливый, обоснованный – законный (1 – прямое номинативное значение, 2 – номинативно–производное); 1. 'вбежать куда–либо'; 2. 'убежать далеко' и 3. 'во время пробежки, перемещения посетить какое–либо место' – забежать (1 – прямое номинативное значение, 2 и 3 – номинативно–производные).

Второй способ отображения действительности, по мнению В.Н. Телии, осложняется подключением к процессу называния «комбинаторно–синтезирующей» деятельности сознания и соответствующей языковой техники. Наряду с непрямым характером отображения реалий, опосредованным в результате сохранения части элементов прямого, значения, формирование нового смысла «старого» слова попадает под влияние содержания другого наименования, которое служит отсылочным

элементом и «детерминирует характер отображения действительности в новом отношении именованя» [Языковая номинация, 1977].

Производность подобных лексических значений отражает несамостоятельный характер номинативной функции обозначающего. Нередко слово с такими лексико–семантическими вариантами (косвенно–производными значениями) выступает как синтагматически обусловленное, что проявляется в их употреблении при построении номинативных единиц более высокого уровня. Считается, что большинство номинативов отражает оценочность (например, о неуклюжем человеке – сущий медведь! о глупом и ленивом – Осёл и есть осёл!).

К процессам вторичной номинации человека принято относить метафорические и метонимические переносы, а также словесные знаки, значение которых обусловлено контекстом, речевым актом и т. п., например, 1. прямое зн. ‘зерно жемчуга’ – 2. перен. зн. (метафора) ‘тот, кто (или то, что) отличается своими достоинствами от других, является лучшим украшением, сокровищем чего–либо’ – жемчужина; 1. прямое зн. ‘работник при доме, обязанный поддерживать чистоту и порядок во дворе’ – 2. перен. зн. (метонимия) – ‘устройство для очистки стекла автомобиля’ – дворник (употребление данного слова во втором значении требует, как правило, формы множественного числа – дворники).

Номинативные единицы, реализующие «особое» значение в определённой предложно–падежной форме, по терминологии Л. Качаевой, относятся к морфологически обусловленным: бега, масла, сахара и под. [Качаева, 1978].

Образуя новое значение в речевой практике, знаки вторичной номинации человека входят в языковую систему, становятся фактами лексикографической практики. Метафора и метонимия рассматриваются как вторичная косвенная номинация.

Метафорические номинации являются одним из основных приемов познания объектов действительности, их наименования, создания

художественных образов и порождения новых значений. В рамках теории языковой номинации метафора трактуется как единица вторичной косвенной номинации, основанная на переносе значения и представляющая собой разновидность переносного значения. Н.Д. Арутюнова и В.Н. Телия выделяют тип когнитивной метафоры, возникающей в результате сдвига в сочетаемости предикатных слов (переноса значения) и функционирующей в сфере признаковой лексики, являясь способом создания вторичных языковых предикатов. Такая метафора, основывающаяся на аналогии, является орудием выделения и познания свойств абстрактных категорий. По утверждению Н.Д. Арутюновой, «процесс метафоризации ... сводится к присвоению объекту «чужих» признаков, т.е. выявленных в другом классе предметов или относящихся к другому аспекту, параметру данного класса» (ЛЭС, 2002, 296).

Общепринятым в отечественной лингвистике является определение метафоры в ЛЭС: «Метафора — это механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении. В расширительном смысле термин метафора применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении» (ЛЭС, 2002, 296).

Следует подчеркнуть, что, используя в качестве реноминатов аббревиатуры, носители языка употребляют такие единицы не только во вторичном значении, но и «не расшифровывая», т. е. производное или переносное значение характерно уже не столько для аббревиатуры, сколько для звукокомплекса, который получает самостоятельную жизнь. Например, для обозначения способа ведения хозяйства было создано слово колхоз (коллективное хозяйство), которое в современном русском языке употребляется и для обозначения коллектива людей, и для обозначения большого количества людей, находящихся на одной жилой или небольшой

площади (пространстве); или: для определения товаров народного (широкого) потребления появилось разговорное ширпотреб, которое в дальнейшем стало употребляться для обозначения товаров низкого качества или выпущенных в огромном количестве.

С термином «номинация» напрямую связаны тропы языка, в том числе и метафора, так как они также называют предметы и явления. Следовательно, здесь мы можем говорить о такой разновидности метафоры, как номинативная метафора.

Номинативная метафора возникает на основе семантически автономной лексики и она, как правило, одночленна, лишена контекста. Однако в рамках конкретной лексики существует вид отношений, ослабляющих взаимную независимость имен. Это отношения части и целого. Части предметов регулярно получают метафорические наименования. Обозначая часть предмета, метафорическое имя сразу включается в словосочетание, проясняющее его предметную отнесенность. [Гак В.Г., 1977: 72]

«Идентифицирующая» метафора составляет ресурс номинации, а не способ нюансировки смысла. Образ, который она дает языку, идентифицирующей лексике, в сущности, не нужен. Слово стремится от него освободиться. Семантический процесс сводится к замене одного дескриптивного значения другим. Метафора используется в номинативных целях и порождает омонимию. Классическая семантика говорит в этом случае о переносе названия. Такого рода перенос обычно опирается на сходство предметов по какому-либо внешнему, очевидному признаку. Метафора этого типа наглядна. Она апеллирует не к интуиции, а к зрению. Отвечая акту уподобления, она не производит вспышки, представляющей предмет в новом, преображающем его свете. Она не подсказывает, а указывает. Выполнив номинативную функцию, метафора исчезает. При этом угасание образа в общем случае не побуждает говорящих прибегнуть к новой, более живой и свежей метафоре. Точно также как человек в

стандартных обстоятельствах не нуждается в нескольких именах, классу предметов достаточно одного названия. Номинативное дублирование происходит лишь в условиях распада языка нормы. [Чудинов А.П., 2000: 56].

Исследуя и описывая номинацию, представляя речевую и языковую систему означивания, С. и О. Лещак выделяют среди вербальных знаков (как языковых, так и речевых) первичные, вторичные и повторные вследствие их использования носителями языка, для которых это различие релевантно (значимо) [Лещак, 2005].

Выделение «повторных» единиц номинации человека в большей степени, на наш взгляд, связано с элементами семемы: стилистическая и эмоциональная составляющая номинативных единиц рассматривается в оппозиции «номинация – коннотация», при этом коннотация часто становится сопутствующим явлением при обозначении, поскольку отражает содержательное развитие минимальной номинативной единицы. Ю.П. Солодуб считал, что в языке номинативные единицы (и первичной, и вторичной номинации человека) по показателю «коннотативность – номинативность» делятся на номинативные (лес, река, идти, красный), номинативно–коннотативные (лесок, реченька, красненький), коннотативно–номинативные (дурак, красавец), коннотативные (ах! ух! эх!) [Солодуб, 1988].

Развитие вторичной номинации человека – один из показателей динамического развития языка, его движения и функционирования. Описывая номинацию как процесс, необходимо отметить существенное различие между языковой и речевой номинациями. В последнее время исследователи на этот факт обращают особое внимание. Как уже отмечалось, это связано с изменением научной парадигмы в сторону антропоцентризма и функциональности языка.

По участию и созданию конкретных языковых (речевых) единиц обозначения явлений и ситуаций действительности различают: лексическую,

словообразовательную, синтаксическую и коммуникативную номинации человека. Коммуникативная номинация предполагает реализацию единиц языка и/или их функционирование в речи.

Существенно подчеркнуть, что большинство исследователей признаёт разницу между языковой и речевой номинациями. Например, В.Г. Гак писал: «Языковые номинации человека характеризуются устойчивой связью между номинантом и номинатом, у речевых эта связь неустойчива. У языковых номинаций номинатом является сигнификат, результат условного членения мира данным языковым коллективом; у речевых – номинатом является денотат, объективно заданный говорящему» [Гак, 1977, с. 255–256].

Именно поэтому языковые номинации человека «не всегда мотивированы»; а речевые «всегда мотивированы», т. к. «при определенном освоении денотата мышлением он получает обязательную для данного языка форму». Трудно объяснить, «почему животное *canis familiaris* называется по-русски собака, но мы всегда можем объяснить, почему в речи мы назвали данное животное собакой...» [Языковая номинация, 1, с. 255–256].

О. Лещак утверждает, что, если принять для объяснения «данного феномена метафору движения от центра к периферии и обратно и принять систему языка за ядро, а речевые высказывания за периферию, можно построить следующее положение: номинация может носить характер центростремительный, нацеленный на образование языковых знаков (лексическая номинация) и центробежный, нацеленный на образование речевых знаков (синтаксическая номинация) [Лещак, 2005].

Например, слова аптека, ночь, улица, фонарь употребляются для обозначения реалий действительности и выступают как элементы лексической номинации человека; эти же единицы, функционирующие в стихотворении А. Блока «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.» в качестве назывных предложений, репрезентируют синтаксическую номинацию. В речи каждая из приводимых номинативных единиц может покрывать

означаемое иного плана (синяк под глазом – светить фонарём, поставить фонарь и под.).

При этом принято отличать номинативные речевые единицы от номинативных языковых, как и предикативные единицы речи от номинативных.

И.П. Сусов различает номинацию и предикацию при помощи терминов «элементная» и «событийная» (а также «пропозитивная» или «предикативная») номинация.

Уже в своей грамматической теории В.В. Виноградов указывал на то, что наряду со словами номинативную (назывную) функцию в русском языке выполняет и целый ряд словосочетаний [Виноградов, 1954, т. 2, ч. 1]. Это положение разделяли и чешские учёные, не вызывает оно возражений и в современной науке.

По мнению В.Н. Телии, «создание составных наименований обусловлено лакунами в обозначении предметного ряда в том или ином функциональном стиле языка» [Телия, 1981, с. 137].

В современной русской ономазиологии разрабатываются теории и практики функционирования, например, синлексов (термин Г.И. Климовской), представляющих собой несвободные, устойчивые сочетания «дофразеологического» уровня (горячие точки, земная ось, полярный круг, в настоящее время; точка отсчёта; оказать влияние, оказать помощь и под.) [Климовская, 1978, Вяничева, 2000].

Наибольшую роль в формировании состава терминологии физкультуры и спорта сыграл английский язык. Во все периоды его влияние было велико (голкипер, пас, нокаут, партия). Значительно меньшим было влияние французского (манеж, трамплин, турник, брасс) и немецкого (турнир, цейтнот, шайба, штанга) языков. Изолированными являются заимствования из других языков: из польского (реванш), китайского (кунфу), корейского (тхеквондо), японского (дзюдо, карате), персидского (шахматы).

Факты разновременного заимствования термина следует отличать от транстерминологизации. Так, например, термин поло (англ, polo) был заимствован в начале XX века в значении ‘командная спортивная игра на поле с деревянным мячом и клюшками, верхом на лошадях’ в связи с введением в программу Олимпийских игр (СЭС, 1032); сочетание водное поло ‘спортивная командная игра с мячом на воде’ появляется в 40–е гг. XX века, когда СССР вступил в комитет водного поло. Термин пилот первоначально использовался в велоспорте в значении ‘мотоциклист, ведущий велогонку по трассе’, позднее он заимствуется из английского языка в терминосистему бобслея – ‘член экипажа боба, управляющий снарядом’ (ТССТ, 194). Термин туше (фр. *toucher*) сначала появился в терминосистеме фехтования, зародившейся в конце XVII века во Франции, в России – с 1860 года, когда были проведены первые официальные соревнования (СЭС, 1412); затем – в терминологии единоборств, которые в России получили распространение с середины XX века. Обе дефиниции основаны на значении этимона во французском языке: *toucher* ‘трогать, касаться’ (в борьбе – ‘касание лопатками ковра’; в фехтовании – ‘укол, нанесенный в соответствии с правилами’) (ср. также: реприза от французского *reprise* ‘возобновление, повторение’ (ТСИС, 604) – 1. В фехтовании ‘повторный удар’. 2. В конном спорте ‘возобновление лошадейю прежнего аллюра’ (ТССТ, 333)).

Появление в спортивной терминологии одинаково звучащих терминов может быть обусловлено заимствованием из разных языков при сохранении этимологического родства. Так, термин конного спорта траверс ‘боковое движение лошади в выезде’ заимствован из французского языка *traverse* <*traverser* ‘мешать, препятствовать’, а термин траверс в альпинизме заимствован из английского языка, этимологически восходит к французскому и означает ‘последовательное преодоление альпинистом нескольких вершин, находящихся в одной горной цепи’ (ТОСТ, 302) (англ, *traverse* <фр. *traverser* ‘переходить, переправляться’).

Так, термин сальто итальянского происхождения (salto 'прыжок') вначале был освоен цирковой терминологией, затем, с формированием самостоятельной терминологии спортивной акробатики, спортивной и художественной гимнастики, он вошел в их состав в значении 'полный переворот в воздухе'.

Выводы

В первой главе выпускной квалификационной работы нами была рассмотрена метафорическая номинация: понятие, типология, основные модели, был сделан вывод, что метафора является одним из номинативных (смыслообразование) приемов и представляет собой использование слова, которое обозначает некоторый класс объектов, явлений или признаков, употребляющееся для характеристики или номинации другого (сходного или несходного) класса объектов. Всякое слово, использованное в переносном значении, определяется как широкое понимание метафоры.

Была охарактеризована семантика и способы номинации человека и сделан вывод о том, что язык предоставляет говорящему возможность выбора из ряда номинаций человека с общей денотативной, но разной сигнификативно – оценочной семантикой, что позволяет по–своему расставлять акценты в описании действительности. Субъективное начало в формировании понятийно–языкового содержания, связанное с познающим субъектом, выражается в мотивах выбора данного словесного знака для названия, вновь познаваемого и «извлечения» из предшествующего значения языковой формы тех или иных признаков.

Глава 2. Анализ метафорических номинаций российского спортивного дискурса

2.1. Фрейм «Квалификация спортсменов и итоги соревнований»

В спорте существует понятие «фавориты», которое обозначает самых сильных участников соревнований, заранее определяемых такими специалистами. «Лидеры» – участники соревнований, которые на каком-то этапе соревнований опережают своих соперников, идут впереди, а «победители, чемпионы» – те участники соревнований, которые оказываются первыми на финише. Далеко не всегда фаворит и даже лидер оказывается победителями, иногда случается, что аутсайдер, который до соревнований или даже на каком-то этапе соревнований оценивался как наиболее слабый участник, добивается хороших результатов.

В квалификационной работе анализируются слова и выражения, относящиеся к указанным видам спорта, в метафорическом употреблении в противовес прямому (неметафорическому) использованию лексики в спортивном дискурсе. Сопоставительный анализ так называемых игровых метафор проводится на материале, представленных текстами СМИ, то есть в работе предпринимается попытка взглянуть сквозь призму спортивно–игровой метафоры, поскольку язык СМИ характеризуется довольно широким употреблением спортивной лексики в метафорическом значении в силу присущей ей образности, способствующей привлечению внимания реципиентов и помогающей влиять на читателей или зрителей [Корбо Беатриче, 2015].

В тексте производится анализ влияния интенсификации современных социальных процессов на интегрирование дискурсивных практик. В исследовании выводится объединяющий параметр двух дискурсов сфера институциональности, выявляется тенденция не только взаимной

интеграции, но и размытия границ дискурсивности; производится обоснование причины размытия языковой предметности в масс–медиа.

Дискурсивные практики, связывающие спорт и правовые отношения, подразделяют следующие основные сферы взаимодействия: институциональное развитие видов спорта, изменение их статуса, корректировка правил, норм и принципов оценивания, институт судейства, сфера медицины и допингового контроля, международные отношения, связанные с проведением глобальных мероприятий (олимпиад, чемпионатов и т.д.), отношения между спортивными организациями, а также правовые отношения между конкретными спортсменами и юридическими лицами (спортивными клубами, федерациями, агентствами).

С позиции современных исследователей дискурсивных практик, интерес представляют интегративные процессы стабильных институциональных дискурсов и динамично развивающихся, определяемых спецификой социальных процессов. Данный принцип взаимного проникновения характерен для спортивной и юридической языковой практики.

Важным вопросом в спортивном дискурсе остается вопрос формирования дискурса здорового образа жизни современной молодежи. С позиций дискурсивного подхода рассматриваются возможности физкультурной деятельности.

Семиотика спортивного дискурса связана с желанием автора нового слова не только придать ему новое значение, но и яркую своеобразную эмоционально–экспрессивную окраску, привлечь внимание зрителей или читателей, произвести более эффективное воздействие на них, представить спортивный мир во всех его деталях и проявлениях, заострить внимание на наиболее важных моментах спортивной игры, обеспечить информативную точность, которая необходима для привлечения внимания к событиям на спортивной площадке.

При образовании нового спортивного образа через слова происходит своеобразная метафоризация, то есть перенос значения по сходству понятий на другое слово, так как определенное сходство, пусть и отдаленное, при получении определенным предметом, лицом, свойством и т.д. нового названия все-таки имеется. В некоторых случаях имеет место метонимия, когда перенос значения происходит по смежности явлений, предметов, по выполняемой функции.

Анализ своеобразия метафорического переноса в номинативно–дискурсивном плане дает возможность показать специфику данного явления и заключить, что особенности метафоризации в спортивной лексике носят многоплановый и разнообразный характер [Орехов, 2010].

Следует отметить, что денотативной областью применения данных метафор – выборы различного уровня. В спортивной терминологии «франт–раннер» имеет значение лидера (в беге, на скачках).

Схожую область применения с метафорой «франт–раннер» имеет чрезвычайно распространённая метафора «фаворит»:

«Аутсайдер» имеет прямо противоположное значение метафоры «фаворит», но также широко используется в языке прессы.

Некоторых кандидатов на выборах, также, как и некоторых спортсменов на соревнованиях, которые показывают неожиданные результаты, называют «темными лошадками», зачастую о таких людях первоначально известно очень мало.

Легионер – перен. Спорт. Спортсмен, по контракту перешедший из своего клуба в другой (обычно иностранный) и выступающий за него;

Метафорический перенос по сходству характеристики действия:

Гуру – перен. в спорте о наставнике, тренере в какой–л. профессиональной сфере; лицо, дающее наставления;

-грыжа на лыжах (grays on trays) – великовозрастный сноубордист; футбольная вдова (football widow) - женщина, которая в дни футбольных матчей не видит своего мужа.

-из компьютерного дискурса: чайник (начинающий пользователь) в сфере спортивной деятельности означает человека, впервые вставшего на лыжи и решившегося совершить свой первый спуск с горы

-оказиональные, метафорически переосмысленные лексические единицы военного дела, не имеющие устойчивого употребления, чье употребление в лексике спорта носит случайный характер. Цель их использования – усиление экспрессивности. Как правило, их применяют в качестве образных заместителей терминов спорта или же усиления эмоционального воздействия:

новобранец в значении «новичок в спортивной команде» (*«...наши новобранцы Андрей Грязев и Сергей Добрин заняли соответственно 11-е и 17-е места»;*)

дивизия, армада, взвод – «команда» (*«футбольная дивизия» (Что будет с московскими клубами//); Несколькими свистками судьи заманили Железную армаду в плен» (Полное разоружение//). «...приз завоевали девушки из танцевального взвода» ЦСКА».*

десантироваться – «выходить на игровое поле» (*«...на лед десантировался заслуженный боец российского хоккея»*)

-снайпер – результативный нападающий

-капитан – член спортивной команды, которому поручается руководство действиями остальных ее участников.

-широкоупотребительные метафоры, дублирующие спортивные термины. Сюда включаются метафорически переосмысленные военные слова, которые в результате регулярного употребления стали принадлежностью общеупотребительной лексики.

В спортивный обиход эти слова попали как готовые, оформившиеся в общем языке, выразительные средства (армия, армейский, боец, бомбардир, контрнаступление, оборона, обстрел, разгром, тяжелая артиллерия и др.). Слова, рассматриваемой группы используются для усиления экспрессивности речи, чаще всего, выступая в роли заменителей основных терминов.

-оборона вместо слова защита (*«Мы умеем играть и от обороны, и от атаки» (Полузащитник ЦСКА Евгений Алдонин: Свои срок я уже отсидел// Совет. Спорт.)*);

-баталия, война – состязание, игра, матч. «олимпийские баталии» (*Французы перекрестились, что не выиграли Олимпиаду//*). «...выиграл футбольную войну» (*Гол за два!*);

В конце состязаний среди значительного количества спортсменов–участников всегда определяют победителя, а также второго и третьего призеров. Структурированность спортивных достижений постоянно метафорически используется в спортивном дискурсе.

Постоянное соперничество партий, спортивных деятелей всегда протекает в спортивной жизни страны, они набирают очки в свою пользу как в спорте. Процесс достижения преимущества передается метафорой «набирать очки».

Представление успехов может передаваться при помощи концептуальной метафоры «вести счет (в игре)».

Довольно распространены в спортивных текстах метафоры «устанавливать рекорд», «работать на рекорд», «закрепить рекорд».

Сделав анализ современной спортивной лексики с переосмысленным значением, можно сказать, что она достаточно многочисленна и разнообразна. Во всех видах спорта имеются спортивные слова с переосмысленным значением. Наряду с новыми словами в спортивной лексической системе большое место занимают фразеологизмы – постоянные,

или устойчивые, в отношении своего состава сочетания слов, обладающие ярким, выразительным образным переносным значением. Из-за процессов семантической модификации в смысловом наполнении слова, произошли коннотативные сдвиги – слова приобретают не только новое значение, но и яркую своеобразную эмоционально–экспрессивную окраску.

2.2. Фрейм «Виды спорта»

Публицистика не имеет тематических ограничений и освещает все вопросы, имеющие общественный интерес, и спорт, как неотъемлемая часть жизни, не может остаться без внимания прессы.

Спортивным новостям посвящаются как тематические разделы в газетах, специализированные издания («Советский спорт», «Спорт-экспресс», «Total Football» и др.) а также интернет-сайты (sport.ru, fnk.ru, euro-football.ru) Анализ источников показал, что в спортивных публикациях доля метафор составляет наибольший процент.

Спортсмены вступают в баталии, проводят атаки и контратаки, защищаются, обороняются, нападают. Встречи команд часто именуется дерби, сражением, битвой. Описание спортивного состязания, матча, игры, поединка практически неизбежно употребление таких слов:

оборона («...придется вражескую оборону сломать любыми способами» (Совет. Спорт);

война («ЦСКА <...> проиграл футбольную войну у неуступчивого «Интера» (Совет. Спорт);

В своих репортажах журналисты часто употребляют военную лексику, т.к. спортивная и военная тематики были всегда очень популярны. Потому что особенность менталитета народов мира, в сознании которых война представляет собой устойчивый архетип.

Спорт первоначально являлся подготовкой к войне. Как пример милитаризованного спорта можно рассмотреть подготовку спортсменов в 30-е – 50-е годы в СССР (спортивный норматив «Готов к труду и обороне» (ГТО), сдача норм на значки «Ворошиловский стрелок», «Альпинист СССР», «Парашютист СССР» и пр.)

Повышение престижа спорта, которое повлекло за собой рост конкуренции между спортсменами. Конкуренция характеризуется повышенной агрессивностью, желанием победить любым путем.

Как известно, спортивная метафора часто используется в текстах и заголовках статей, репортажей с целью воздействия на читателя и привлечения его внимания.

Метафоры, основанные на спортивной терминологии, широко используются в прессе. Высокая степень частоты употребления метафор, пришедших из таких видов спорта, как бокс, конный спорт и бейсбол, связана с их большой популярностью. Было установлено, что большинство спортивных метафор обладают экспрессивной окраской и категорией образности. Многие спортивные метафоры имеют двойственную оценку, зависящую от того, на чьей стороне находится говорящий, как говорящий относится к происходящему, какую из противоборствующих сторон он поддерживает.

Таким образом, можно утверждать, что метафора является средством обогащения языка, одним из средств, организующих подачу материала и способствующих эффективному усвоению информации. Следует отметить, что метафора не только информирует реципиента, но и передает авторскую оценку, воздействует на адресанта, формируя его отношение к описываемым событиям. Можно утверждать, что, метафоричность – один из важнейших признаков современной прессы [Шеватлохова, 2016].

Часто встречается метафора в публикациях, освещающих процесс выборов различного уровня. Начало предвыборной кампании можно сравнить с началом состязаний, когда называются фавориты, итогом выборов является установление лидеров и аутсайдеров, так же, как и в соревнованиях выявляются победители и побежденные. Также оба мероприятия проводятся по определенным правилам, нарушая которые участники могут быть наказаны или полностью дисквалифицированы.

Чаще всего выборы ассоциируются с забегом на длинную дистанцию (в силу длительности избирательной кампании), участники которого могут преждевременно покинуть трассу, выдохнуться или неправильно рассчитать силы.

Стремительное выполнение или течение, каких–либо событий или состязание в какой–либо области жизни как скорость и соперничество в гонках, передается спортивной метафорой «гонка, соревнование».

В терминах борьбы или бокса может метафорически переосмысливаться соперничество, противостояние. Боксеры во время поединка обмениваются ударами, отражают удары друг друга. Перри – общее название приемов отражения удара в различных поединках, защита, парирования (в фехтовании) – используется для описания противоборства соперников.

Спортивный термин «спарринг», который означает тренировочный бой, схватку, столкновение в боксе может метафорически передавать противоборство.

В боксе поединок заканчивается победой одного из соперников и поражением другого. В боксе терминами «нокаут» обозначается положение, когда сбитый ударом соперник не может подняться по истечению 10 секунд, в этом случае он считается побежденным. Данные спортивные термины употребляются, когда речь идет о поражении, например, соперника (кандидата или целой партии на выборах) [Шеватлохова, 2016].

В отличие от активных видов состязаний, шахматы – игра, требующая концентрации, ассоциирующаяся с сосредоточенным мышлением. В шахматах термин «гамбит» обозначает «уловка, гамбит и первый шаг» в газетных текстах может иметь метафорическое значение «уступка с целью выгоды в дальнейшем».

Название фигуры в шахматах «пешка» имеет метафорические значения «слабый», «занимающий подчиненное положение», «не имеющий права голоса», «объект манипуляций».

Понятие «пат» – положение в шахматной партии, при котором сторона, имеющая право хода, не может им воспользоваться, так как все ее фигуры и пешки лишены возможности сделать ход по правилам, имеет метафорическое значение «тупик»:

Финальная сцена в соревнованиях или в конфликте называется «эндгейм» (конец, исход игры), особенно когда итог игры не ясен.

В газетных статьях часто метафорически переосмысливается национальная американская игра – бейсбол. Так, «бейсбол» имеет значение «грубые методы». [Шеватлохова, 2016].

Выражение «три удара, и ты вне игры» обычно используется в криминальном контексте языка прессы, чтобы указать на тот факт, что, совершив три серьёзных преступления, преступник может остаться в тюрьме на всю жизнь.

Футбольные термины «добраться до линии ворот, «ввести мяч в игру ударом с центра» и др. зачастую помогают описать начало нового вида деятельности.

Таким образом, анализ фактического материала показывает, что различные виды спорта и связанные с ними понятия распространяются на самые разнообразные реалии общественной жизни любой страны.

Метафорический перенос имени из одного предмета в другой на основе их ассоциативного сходства (форма, цвет, место, поведение или звук) характеризуется достаточно высокой частотой, например: Биб – нагрудный знак с надписью ребенка используется как «стартовый номер»; шпилька – слалом вертикальная комбинация последовательности двух закрытых ворот; вертолет – это трюк в лыжном фристайле, когда лыжник делает полный поворот вокруг своей оси в прыжке; пирамида – лит. пирамида – тип трамплина в сноуборде в виде пирамиды; бутерброд – дизайн сноуборда, в котором все внутренние элементы уложены друг за другом во время сборки; талия – самая узкая часть сноуборда или лыжи; ремень безопасности – письмо безопасности – во время этого трюка передняя рука атлета достигает всего тела и хватает носок доски за задним креплением и т.д. [Шеватлохова, 2016].

Направленность метафорического перехода от «живого существа» к «неживому объекту», от «оживленного» до «неодушевленного объекта»

(персонификация), также реализуется в спортивной терминологии: утка с надписью. Утиные ноги – это стойка на сноуборде; удобный для выполнения трюков, поскольку он полностью устраняет прямое смещение, так как ноги развернуты в разных направлениях; орел – трюк в лыжном фристайле, когда спортсмен тянет руки и ноги к бокам, верхняя часть тела, сохраняя вертикальное положение, лыжи параллельны друг другу; слоб – воздушный трюк в сноуборде, во время которого спортсмен выполняет захват переднего края передней рукой между ногами и выпрямляет заднюю ногу, держа плату параллельно земле и т.д.

В отдельной группе можно определить термины, которые каким-то образом связаны с темой питания. Некоторые из них формируются по принципу внешнего сходства, например, банан – так называемые дугообразные ворота; бутерброд – дизайн сноуборда, в котором все внутренние элементы уложены друг за другом во время сборки и т.д. Но есть и такие названия, причина которых может быть только угадана. Это такие термины, как: канадский бекон – трюк выполняется задней рукой, которая удерживается между ногами сзади и захватывает носок доски в центре, дыня – спортсмен с передней рукой захватывает пятку доски в центре; жареная говядина – задняя рука спортсмена держится между ногами и захватывает пятку доски в центре; куриный салат – выполняется передним рулем, который удерживается между ногами спереди и захватывает пятку доски в центре и т.д. Скорее всего, этот тип терминов возник в связи с определенными ассоциациями, которые возникают у спортсменов при выполнении трюков.

Как мы уже упоминали выше, спорт довольно травматичен и рискован. Этот фактор также отражается на названии некоторых терминов: твистер – это трюк в лыжном фристайле, когда лыжи повернуты на 90 ° в одну сторону от ствола, а руки и само тело повернуты в противоположном направлении и т.д. [Шеватлохова, 2016].

Метафоры в спортивном мире активно и продуктивно используются, как средство выразительности речи, увеличивая информационную ценность и образы сообщения с помощью ассоциаций, вызванных переносным использованием слова. Взаимодействие социальной жизни и культуры с языком является причиной деления языка на его подмножества, в соответствии с различными сферами человеческой деятельности.

Метафоризация спортивного словаря является характерной чертой современного языка спорта. В спортивной терминологии доминирует антропоморфная метафора, а это означает, что, когда человек сравнивает окружающую реальность, он пропускает все через себя.

В спорте метафорическая передача чаще всего встречается в терминах, которые называют трюки. Это связано с сильными эмоциональными переживаниями и яркими визуальными образами, которые могут возникнуть в номинаторе на основе ассоциативного переосмысления в ходе практического исполнения различных элементов, а также из-за внешнего сходства того или иного элемента и феномен нашей повседневной, а иногда и «неспортивной» реальности. Кроме того, большой слой метафор описывает разнообразное спортивное оборудование и спортивные сооружения.

Год за годом спорт развивался, становился популярным, и спортивная терминология стала понятной среди масс. Использование спортивных условий вне спортивного подъязыка и процесс их активной метафоризации является следствием того, что подъязык спорта более открытый, эмоциональный и доступный по сравнению с другими подъязиками, например, военными или медицинскими [Шеватлохова, 2016].

Таким образом, метафоры в спортивном мире активно и продуктивно используются как средство выразительности речи, увеличивая информационную ценность и образы сообщения с помощью ассоциаций, вызванных переносным использованием слова.

В спортивный обиход эти слова попали как готовые, оформившиеся в языке, выразительные средства (армия, армейский, боец, бомбардир,

контрнаступление, оборона, обстрел, разгром, тяжелая артиллерия, штурм, штаб и др.). Слова рассматриваемой группы используются для усиления экспрессивности речи, чаще всего, выступая в роли заместителей основных терминов. Например, оборона вместо слова защита; баталия, война – состязание, игра, матч; Слова военной тематики в результате специализации также стали спортивными терминами, они отмечены во всех спортивных словарях и общих словарях со специальной пометой «спорт». К таким спортивным терминам относят следующие: атака – стремительное нападение, технико–тактический прием в спорте; контратака – атака в спортивных единоборствах и спортивных играх, проводимая в ответ на атакующие действия соперника; защита – действия спортсмена в единоборствах, игрока, звена или команды в спортивных играх, имеющие целью отразить атаку и не дать ему добиться результата; фланг – часть игрового поля, примыкающая к его боковой линии;

2.3. Фрейм «Правила игры и наказания»

Спортивная жизнь подчинена правилам, которые отражены в конституции, законах, соглашениях, нормах морали, как и спортивные состязания, подчинены правилам, включающие ограничение игрового времени и пространства, разделение на «своих» и «чужих», установление запрещенных приемов и способов действия. Метафорическое употребление спортивной терминологии в спортивной речи нередко связано именно с необходимостью точно определить правила спортивной игры.

Не характерные для других методы работы могут быть метафорически представлены как «играть по правилам».

В спорте иногда случается, что спортсмены нарушают правила состязаний, особо неприемлемо непорядочное поведение, намеренные нарушения, нечестная, грубая игра. Авторы спортивных текстов переносят негативное отношение к нарушителям спортивных правил на нарушителей правил спортивных состязаний, при этом используют, например, концепт «ударить исподтишка» (в регби) и «ударить по части поля напротив рефери», который имеет значение «бить по слабым местам» или «давить» на больные места».

(«Помните «руку бога», которая помогла футболисту Марадоне забить решающий гол? И на некоторых играх мы видим желание «играть рукой», а то и обеими сразу»). (без автора, КП-Урал, 2000);

В спорте принята определенная система наказаний за нечестную борьбу: это может быть предупреждение, временное или постоянное удаление с поля, начисление штрафных очков, снятие с состязаний, дисквалификация. Решения, вынесенные спортивными судьями, практически невозможно обжаловать. Зрители всегда сочувствуют спортсменам, ведущим честную борьбу, и осуждают спортивных хулиганов.

(«это удар ниже пояса, за который в боксе следует немедленная дисквалификация») (Б. Найдин)

Болельщики в играх и спорте могут следить за игрой, мешая играющим, давая не прошенные советы, вмешиваясь не в свое дело.

К группе метафор, объединённых понятийной сферой «спортивное оборудование и место проведения состязаний» можно отнести следующие спортивные термины: «ринг», «трамплин», «игровое поле», «тренировочная площадка» и другие. Они широко используются в понятийной сфере «спортивная жизнь».

На пути к желаемой цели возникают препятствия, этим объясняется функционирование следующей метафоры «барьеры».

Особенно ярко отражает свое значение метафора в заголовках газетных статей. Спортивная арена как площадка для спортивных игр (например, для хоккея) представлена метафорой «площадка» [Ласкова, Шпондаренко, 2015].

Роль спорта в жизни общества является одним из основных факторов, благодаря которому появились метафоры, основанные на спортивной терминологии и профессионализмах.

Образы спорта прямо и наглядно представляют соответствующий объект действительности в человеческих знаниях о ней, тогда как знак лишь указывает на совокупность образов, определяющую его интерпретацию. Тем самым, в познавательных процессах знак как бы вытесняет, и замещает образ.

Особенность символических средств (метафора, гипербола, антропоним и др.) создаваемых спортивной культурой, обусловлена тем, что символ одновременно позволяет обнаруживать и те области значений, которые находятся за рамками актуализируемого в конкретной ситуации контекста.

Образы, знаки, символы, язык спорта представляют собой разные стадии фиксации спортивной деятельности. Образы спорта выражают «сиюминутное» взаимодействие с определенным фрагментом соревнований, состязаний

Понимание языковой природы спортивной культуры начинается с перевода логики всех рассуждений о лингвокультурологии из собственно лингвистической плоскости в семиотическую научную парадигму. Это позволяет представить язык спорта как систему, как сочетание символических конфигураций моделей культуры.

В публикациях разных исследователей нередко указываются различные языковые средства спортивного дискурса, не всегда совпадают характеристики статуса участников профессиональной коммуникации, существуют противоречия в определении базовых языковых средств, нет единого мнения и в понимании того, что следует считать базовыми и периферийными языковыми образами. Поэтому проблема дискурсивных разновидностей и установления внутрисистемных взаимодействий между ними до настоящего времени остается актуальной [Ласкова, Шпондаренко, 2015].

Таким образом, в данном исследовании под спортивным дискурсом понимается особый тип институционального дискурса, представляющий собой системы образов, языковых средств, объединенных общностью спортивной тематики и концептуальных доминант. Происходящие в современном языке спорта процессы образования новых метафор, гипербола, антропонимов, метонимии и иных языковых средств, связаны с появлением новых видов спорта, спортивных реалий. И в связи с проведением большого количества международных соревнований возникает необходимость перевода этих новых метафор, гипербола на различные языки и их упорядочения, которое заключается не только в систематизации понятий, но и в семантическом, структурном и функциональном анализе терминосистемы.

Закрепляясь в словесной форме образы спортивных игр могут затем переноситься с одной предметной области на другую, порождая символическое знакообозначение метафоры, гиперболы, антропонимов,

метонимии и других языковых средств лингвистической стилистики спортивного дискурса.

Метафора является наиболее характерной стилистической единицей, посредством которой человек воссоздает в словах картину мира в ее образном представлении. Метафора – один из основных приемов познания объектов действительности, их наименования, создания художественных образов и порождения новых значений.

Пристальное внимание исследователей к метафоре объясняется, прежде всего, общим интересом к изучению текста в широком смысле этого термина (изучение всех функциональных стилистических разновидностей литературного языка, в том числе рекламного, публицистического, художественного текстов, разговорного стиля), стремлением дать лингвистическое обоснование и толкование различным стилистическим приемам, создающим экспрессивность текста [Ласкова, Шпондаренко, 2015].

Следует также отметить, что в последнее десятилетие возрос интерес и к спорту, как неотъемлемой части жизни каждого человека. Спорт играет важную роль в социальной, культурной и спортивной жизни общества. Этим обусловлена частотность употребления спортивных метафор в наиболее широком и популярном текстовом пространстве – печатных СМИ.

Метафоричность в газетных текстах является одной из возможностей создания экспрессии, которая, как правило, связана с семантическими сдвигами, приводящими к дополнительной экспрессивной насыщенности текста в целом. Метафоры в прессе возникают в основном в результате сочетаемости. Авторы статей используют метафору как инструмент, помогающий выстроить композицию статьи, передать ее смысл.

Анализ практического материала второй главы показал, что крайне разнообразные виды спорта, и связанные с ними понятия распространяются на самые разнообразные реалии общественной и спортивной жизни.

Структурно исследуемые нами спортивные метафоры были разделены на три группы:

1. Оказиональные, метафорически переосмысленные лексические единицы военного дела, не имеющие устойчивого употребления, чье употребление в лексике спорта носит случайный характер. Цель их использования – усиление экспрессивности. Как правило, их применяют в качестве образных заместителей терминов спорта или же усиления эмоционального воздействия.
2. Широкоупотребительные метафоры, дублирующие спортивные термины. Сюда включаются метафорически переосмысленные военные слова, которые в результате регулярного употребления стали принадлежностью общеупотребительной лексики.
3. Слова военной лексики, ставшие в результате специализации спортивными терминами. Слова этой группы отмечены во всех спортивных словарях и общих словарях со специальной пометой «спорт». [Ласкова, Шпондаренко, 2015].

Выводы

Во второй главе выпускной квалификационной работы нами были рассмотрены возможности употребления спортивной метафоры в современном газетно–публицистическом стиле.

Материалы данной главы свидетельствуют о высокой продуктивности спортивной метафоры в современной прессе в основном в статьях, посвященных освещению спортивных реалий. Спортивная деятельность постоянно концептуализируется как спортивное состязание, в котором существуют строгие правила честного соперничества, успех в значительной степени предсказуем, а победа приходит к сильнейшему, хотя иногда происходят разного рода неожиданности. В подобных образах очень ярки концептуальные смыслы «соревнование», «соперничество», «борьба».

Как показало исследование, некоторые спортивные метафоры не имеют ярко выраженной отрицательной эмоциональной окраски, в большинстве случаев они просто помогают представить какую–либо абстрактную сущность в терминах другой, более конкретной. Так, например, метафорическое употребление слова «команда» несет скорее позитивные смыслы, подразумевая, что субъекты спортивной деятельности работают как целостный коллектив. Другая группа спортивных метафор выражает положительную или отрицательную оценки.

Заключение

Проанализированный материал показывает, что существуют метафорические модели (и их варианты), которые особенно активно используются в спорте. Метафора высвечивает стратегический замысел, работу группы поддержки, реакцию болельщиков, горечь поражения и радость победы. Материалы, использованные в выпускной квалификационной работе, свидетельствуют о высокой продуктивности спортивной метафоры. Как показало исследование, некоторые спортивные метафоры не имеют ярко выраженной отрицательной эмоциональной окраски, в большинстве случаев они просто помогают представить какую-либо абстрактную сущность в терминах другой, более конкретной. Так, например, метафорическое употребление слова «команда» несет скорее позитивные смыслы, подразумевая, что субъекты спортивной деятельности работают как целостный коллектив. Другая группа спортивных метафор выражает положительную или отрицательную оценки.

Мы полагаем, что данное исследование ценно как в теоретическом, так и в практическом плане. Проведена попытка ограничить терминологический аппарат, необходимый для описания определенного типа дискурса, а также обосновать возможность выделения подобного типа. Классификация базовых метафор, осуществленная в результате исследования, может быть полезна для спортивных журналистов и тех, кто интересуется культурологией спорта.

Работа над изучением спортивного дискурса может быть продолжена, поскольку остается довольно много слабо освещенных лингвокультурологических аспектов данного феномена. В дальнейшем мы планируем заострить внимание на влиянии способа подачи спортивной информации на массовую аудиторию, реакции аудитории на определенные

лингвистические приемы, использованные в прессе. Также представляется перспективным сравнение современного спортивного дискурса с более ранним. Например, подобное сравнение может объяснить, почему футбол стал столь популярен, каким образом масс-медиа создали «имидж» именно этому виду спорта, перейдя от попытки детальной визуализации события в тексте к его метафоризации, популяризации, превращению в социокультурный продукт массового потребления. Кроме того, представляется целесообразным более детально проанализировать функционирование различных метафорических моделей в спортивных текстах на разных языках и выяснить, насколько совпадают позиции их употребления и насколько правомерно предположение об универсальности спортивного дискурса.

Список использованной литературы

1. Анкудинов, К. Русская культура или глокая куздра? [Электронный ресурс] / К. Анкудинов. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article20287.htm>
2. Арбузова, В.Ю. Прецедентность в русском языке как лингвистический и культурный феномен (на материале научных и эпистолярных текстов) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В. Ю. Арбузова. – Липецк, 2007. – 202 с.
3. Арутюнова, Н. Д. О номинативном аспекте предложений / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1971. – № 6. – С. 63–73.
4. Белютин Р. В. Метафоры в спортивном нарративе (на материале немецкого языка) // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – №1. – С. 129–133.
5. Вардзелашвили, Ж.А. К вопросу о толковании термина «номинация» в лингвистических исследованиях / Ж. А. Вардзелашвили // Славистика в Грузии : сб. науч. ст. – Тбилиси, 2000. – Вып. 1. – С. 62–68.
6. Виноградов, В.В. Грамматика русского языка : в 2-х т. / В. В. Виноградов. – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1954. – Т. 2, ч. 1 : Синтаксис. – 704 с.
7. Вяничева, Т.В. Субстантив–субстантивная синлексика современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Вяничева. – Томск: Изд-во ТГУ, 2000. – 23 с.
8. Гак, В. Г. К типологии лингвистических номинаций / В. Г. Гак // Языковая номинация (общие вопросы): [монография / А. А. Уфимцева и др.]; Академия наук СССР, Институт языкознания; [отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева]. – Москва, 1977. – с. 230–294.
9. Голубева, Н.А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы / Н. А. Голубева // Язык, коммуникация и социальная среда. – Нижний Новгород, 2007. – Вып. 5. – с. 152–168

10. Даниленко, В. П. Ономаσιологическое направление в истории русской грамматики. / В. П. Даниленко. – Изд. 2–е, испр. – Москва : ЛКИ, 2007. – 344 с.
11. Даниленко, В.П. Ономаσιологическое направление в истории грамматики / В. П. Даниленко // Вопросы языкознания. – 1988. – № 3. – с. 108–131.
12. Исакова, А.А. Тенденции развития современной ономастики: механонимия / А. А. Исакова // Филологические науки. – 2006. – № 3. – с. 63–69.
13. Караулов, Ю.Н. Лингвокультурный тезаурус русского языка [Электронный ресурс] / Ю. Н. Караулов. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/tes.php> (дата обращения: 12.10.2014).
14. Качаева, Л.А. Основные типы лексических значений слова / Л. А. Качаева // Филологические науки. – 1978. – № 6. – С. 152–157.
15. Климовская, Г.И. Субстантив–атрибутивная синлексика современного русского языка: Система. Границы. Функционирование / Г. И. Климовская. – Томск: Изд–во Том. ун–та, 1978. – 200 с.
16. Корбо Беатриче. Спортивно–игровая метафора в спортивном дискурсе (на материале русского и итальянского языков) // Спортивная лингвистика. – 2015. №3. – С. 116–123.
17. Комлев, Н.Г. Ономаσιология как учение о языковом обозначении неязыковой действительности / Н. Г. Комлев // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – Москва, 1968. – С. 80–89.
18. Ласкова М.В., Шпондаренко Д. А. Сохранение когнитивного потенциала при декодировании метафоры в спортивном дискурсе // Символ науки. – 2015. – №4 – С. 151–153.
19. Лещак, С. Ономаσιологический анализ сверхсловных неидиоматических знаков в современном русском языке / С. Лещак, О. Лещак // 2005. –Т. 14. – S. 151–167.

20. Манаенко, Г.Н. Пропозиция и осложненное предложение / Г. Н. Манаенко // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.) : труды и материалы : в 2 т. / Казан. гос. ун–т ; под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань, 2006. – Т. 2. – с. 68–71.
21. Мещанинов, И.И. Номинативное и эргативное предложения : типологическое сопоставление структур / И. И. Мещанинов ; отв. ред. В. З. Панфилов. – Москва : Наука, 1984. – 294 с.
22. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : УрГПУ, 2007. – 207 с.
23. Никитевич, В. М. Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. – Минск: Вышэйшая школа, 1985. – 157 с.
24. Орехов А. И. Формирование дискурса здорового образа жизни российского университета // Вестник ЧГПУ. – 2010. – №7. – С. 220–226.
25. Солодуб, Ю. П. Типология языковых единиц докоммуникативного уровня (функциональный аспект) / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. – 1988. – № 5. – с. 37–46.
26. Сусов, И.П. Введение в теоретическое языкознание [Электронный ресурс] / И. П. Сусов. – Режим доступа: http://homepages.tversu.ru/~ips/3_01.htm
27. Тенденции в системе номинации и предикации русского языка : межвуз. сб. науч. тр. / Моск. пед. ун–т ; отв. ред. П. А. Лекант. – Москва: МПУ, 2002. – 244 с.
28. Телия, В.Н. Метафоризация и её роль в языковой картине мира / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – Москва, 1988. – с. 173–204.
29. Телия, В.Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – АН СССР. Институт языкознания. – Москва: Наука, 1981. – 269 с.

30. Успенский, Л.В. Глокая куздра / Л. В. Успенский // Слово о словах. Имя дома твоего. – Ленинград, 1974. – С. 373–379.
31. Шеватлохова Е.В., Сокур Е.А. Особенности метафорического словообразования в современной спортивной лексике // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2016. – №1 (172) – С. 101–104.
32. Языковая номинация (общие вопросы): [монография / А. А. Уфимцева и др.]; Академия наук СССР, Институт языкознания ; [отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева]. – Москва: Наука, 1977. – 359 с.
33. Янценецкая, М. Н. Семантические вопросы теории словообразования / М. Н. Янценецкая. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – 242 с.